Позже, когда Мо Ли перестал жаловаться на трудности, не плакал и не кричал от усталости, Цинь Лу постепенно перестал обращать внимание на этот момент. В конце концов, в деревенских семьях тоже бывали дети, которые были единственными наследниками в нескольких поколениях, и до десяти лет их не заставляли работать — так как высокая детская смертность заставляла родителей беречь их, чтобы они выросли.

Цинь Лу вспомнил, как Мо Ли в детстве не умел говорить, не мог пользоваться палочками для еды, даже одеваться не умел и не помнил ничего из прошлого. То ли он действительно не помнил, то ли не мог говорить? Дети из знатных семей с самого рождения имели служанок, которые заботились о них, одевали и кормили, поэтому неудивительно, что они не умели делать что-то сами. Но неумение говорить — это уже странно.

Цинь Лу думал всё больше и больше, и его мысли становились всё запутаннее.

Думая о том, что его ученик целыми днями ходит угрюмым, потому что ему трудно вернуться домой или признать своих родных, старый учитель Цинь нахмурился. В таких семейных конфликтах всегда много трагедий: младшие ветви семьи пытаются уничтожить старшие, главная линия подавляет боковые. Сколько знатных семей из-за этого пало, сколько талантливых людей умирало в расцвете лет?

— Ши Чжи…

Цинь Лу глубоко вздохнул, встретившись с серьёзным взглядом Мо Ли, и сдался, молча запечатав свои энергетические каналы.

Мо Ли поставил на стол фарфоровый флакон с пилюлями защиты сердца и, глядя на узор из рыб на его поверхности, тихо произнёс:

— Учитель, Чжуан-цзы говорил: «Ты не рыба, откуда тебе знать, что радует рыбу?» Поэтому и трудности рыбы человеку понять нелегко.

Цинь Лу почувствовал, как сердце его ёкнуло. Это приступ болезни или намёк через рыбу?

Если человек оказывается втянут в семейные распри, посторонним действительно трудно помочь. Внутренняя ненависть не ограничивается простыми понятиями добра и зла, иногда она затрагивает несколько поколений, и объяснить это в двух словах невозможно. Но если такой талантливый ученик, как он, будет поглощён этим и проживёт несчастливую жизнь, разве это не грех?

Цинь Лу произнёс серьёзным тоном:

— Рыба живёт в воде и считает, что этот водоём — весь её мир, что в нём есть всё. Но это не так. Почему бы не выпрыгнуть из него? Застревая в одном месте, ты только вредишь себе.

Мо Ли замер. Неужели учитель поддерживает его решение покинуть гору Цимао?

— Ши Чжи, ты когда-нибудь видел, что находится за пределами пруда?

— …Видел.

Цинь Лу почувствовал облегчение, решив, что Мо Ли говорит о тех годах, что провёл рядом с ним, отказавшись от своей фамилии и не спрашивая о своём происхождении, посвятив себя учёбе, боевым искусствам и лечению людей.

Но Мо Ли внезапно изменил тему и сказал:

— Прошлой ночью я в духе отправился в Тайцзин и увидел драконью жилу, которая закрыла небо и солнце.

— В этом огромном мире пейзажи разные… Подожди, что? Тайцзин? Драконья жила?

Господин Цинь выглядел озадаченным. Разве они не говорили метафорами? Почему вдруг заговорили о драконьей жиле?

— Ты видел драконью жилу во сне?

«Путешествие духа» у писателей и поэтов означало сон. Цинь Лу интуитивно почувствовал, что всё не так просто.

Мо Ли, глядя на пилюлю в руке учителя, подумал, что тот ещё не знает, что он сам — драконья жила. Нужно действовать постепенно, не торопиться.

— Не во сне, а духовная энергия приняла форму и перенесла меня в Тайцзин. Тот дракон был золотым, его размеры были подобны горам, и он превосходил… того чёрного дракона, которого мы видели вчера, в тысячи раз.

— …

Господин Цинь почувствовал, будто попал в сон. Он открыл рот, но ничего не сказал.

Ведь того чёрного дракона он видел своими глазами.

— Учитель, я не понимаю, почему я рыба.

Мо Ли был в замешательстве. Что же не хватает между драконом и рыбой?

Цинь Лу хотел что-то сказать, но остановился. На самом деле он хотел спросить: «Ши Чжи, почему ты, будучи человеком, всё время связываешь себя с рыбой?»

— На самом деле я давно хотел спросить, учитель, во время своих странствий по миру, вы встречали таких рыб, как я?

Мо Ли встал, снял верхнюю одежду и сапоги. Остальное он не мог сделать в присутствии учителя, поэтому просто подошёл к ванне, наклонился и нырнул в воду, на глазах у Цинь Лу, который сначала смотрел с недоумением, а затем с ужасом, превратился в свою истинную форму.

Одежда мягко упала на край ванны.

Человек исчез.

Господин Цинь был в шоке.

Затем он почувствовал тяжесть в груди, дыхание стало прерываться, и энергия в его даньтянь начала бурлить. Если бы его энергетические каналы не были запечатаны, его внутренняя сила сейчас бы носилась по всему телу, как дикий конь, и он не смог бы её контролировать. Его разум был пуст, дыхание остановилось, и он не понимал, кто он и что происходит.

— Плюх.

Вода брызнула во все стороны, и чёрная рыба выпрыгнула из воды, затем высунула голову и смотрела на Цинь Лу с надеждой.

Цинь Лу увидел в глазах рыбы нетерпение.

Нетерпение? Он инстинктивно посмотрел на пилюлю в руке и сразу понял, поднял её и проглотил.

Вскоре действие лекарства проявилось, и тяжесть в груди Цинь Лу исчезла. Он закашлялся, с трудом встал и подошёл к ванне, тупо глядя на рыбу внутри.

Мо Ли подумал, что Цинь Лу хочет рассмотреть его форму, поэтому начал плавать кругами, делая это очень медленно.

Цинь Лу смотрел в пустоту.

— Хороший ученик, и вдруг превратился в рыбу.

Почему живой человек превратился в рыбу?!

Значит, он спас рыбу из воды? Спас рыбу из воды?!

…Мо Ли действительно был чёрной рыбой!

Значит, его ученик не болен?

Нет, это хуже, чем болезнь! Болезнь можно вылечить, но что делать с рыбой? Прыгать через Ворота Дракона?

Цинь Лу отступил на шаг, словно потерял все силы.

Мо Ли, увидев отражение в воде, понял, что что-то не так, и быстро нырнул в одежду, висевшую на краю ванны, затем снова принял человеческую форму. Воротник и рукава были мокрыми, но это не проблема — духовная энергия могла высушить их в мгновение ока.

— Учитель?

Цинь Лу смотрел на Мо Ли без сил. Он надеялся, что ученик просто фокусник, но он же знал, была ли рыба в ванне или нет? Обмануть себя он не мог, только продолжал кашлять.

Мо Ли почувствовал сожаление и поспешил сказать:

— Это я был неосторожен.

Цинь Лу поднял руку, чтобы остановить его, с трудом отдышался, взял руку Мо Ли и с сложным выражением лица сказал:

— Нет, ты должен был рассказать мне раньше… Я хочу сказать, ты должен был показать мне свою истинную форму раньше.

— Боялся напугать учителя.

Мо Ли невольно опустил голову, потому что Цинь Лу держал его руку и гладил её снова и снова.

— Рано или поздно это должно было случиться.

Господин Цинь сказал с досадой.

Как только он узнал, что Мо Ли действительно рыба, все его вопросы мгновенно разрешились. Какая жизнь может быть у рыбы? Не в воде, без сородичей — как можно быть счастливым?

— Подожди, мне нужно отдышаться.

Мо Ли с заботой помог Цинь Лу сесть и налил ему чашку горячего чая.

Цинь Лу, глядя на фарфоровый флакон, задумчиво сказал:

— Твоё дело… довольно сложное.

Мо Ли выпрямился и ответил:

— Я обыскал всю гору Цимао, но не нашёл других оборотней.

— Если ты хочешь отправиться в мир… это вполне естественно, дай мне подумать.

Господин Цинь продолжал смотреть на фарфоровый флакон, потому что на нём был узор из двух рыб.

Тан Сяотан осторожно подкрался к веранде и с любопытством заглянул в сторону главного зала.

В этот ясный день Мо Ли вдруг закрыл двери и окна, запершись в комнате, явно скрывая какой-то секрет.

Что это за секрет? Тан Сяотан напряжённо думал. Он хотел подслушать, но боялся подойти слишком близко.

Эх, подслушивать под окнами мастеров боевых искусств непросто! Тан Сяотан по-стариковски покачал головой. Он вдруг сообразил, побежал в свою комнату, нашёл рогатку и начал сбивать сосульки с карниза.

Звук падающего льда был похож на таяние снега.

Дядюшка Гэ издалека увидел, как Тан Сяотан шалит, и только улыбнулся, не пытаясь остановить его. Ведь растаявшие сосульки могут поранить, так что лучше сбить их заранее. Всё равно это их двор, и никто не ходит, так что никто не пострадает.

Тан Сяотан подошёл ближе, затем отбежал, снова и снова, как играющий ребёнок.

Когда сосульки были почти все сбиты, Тан Сяотан осторожно подошёл к окну. Хотя у него не было таланта к боевым искусствам, он всё равно ежедневно тренировался, и, будучи молодым и здоровым, имел острый слух и зрение.

— …Я позабочусь о Сяотане, аптекой тоже могу заниматься.

Тан Сяотан был в шоке. Что говорил господин Цинь? Неужели лекарь Мо уходит?

http://bllate.org/book/15299/1351775